

УДК 81`366.5
ББК 81.2-03(2Рос=Калм)

**О ПАДЕЖНОМ ПОКАЗАТЕЛЕ -А:/ -О:/ -Е:
В КАЛМЫЦКОМ ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ XVIII в.
(НА МАТЕРИАЛЕ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ)***

Д. Б. Гедеева

Официальные письма XVIII в., написанные калмыцкими ханами и князьями в адрес астраханской администрации и послужившие материалом для данной статьи [Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.) 2005], имеют большое значение для исследователей как исторические документы, свидетельствующие о политической, военной, социально-экономической, культурной жизни калмыцкого общества того времени. Представляя жанр деловой письменности, они также являются важными источниками для изучения истории развития старописьменного литературного языка, формирования его функционально-стилистических особенностей [Асирова 2002; Сусеева 2011; Омакаева 2008].

Язык исследуемых нами писем имеет в основном тот же лексический состав, те же синтаксические конструкции и морфологические признаки, что и современный язык. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что калмыцкий литературный язык в XVIII в. в основном был уже сформирован в том виде, в каком он функционирует в настоящее время. Однако в письмах имеются некоторые грамматические явления, отсутствующие в современном языке. Одному из них и посвящена данная статья.

В рассматриваемых письмах встречается падежный показатель *-a:/-o:/-e:*. В текстах он встречается после основ, имеющих конечные согласные *r, n, g, d, s*. Упоминание об этом падежном показателе в языке калмыцких деловых документов мы встретили только в статье С. Намжавина [Намжавин 2008: 37–46].

Следует отметить, что этому падежно-показателю *-a/-e* (без долготы) в старописьменном монгольском языке посвящен ряд исследований. Так, М. Н. Орловская

считает его показателем местного падежа, часто употребляющимся в тексте исторического сочинения XVII в. «Алтан тобчи» [Орловская 1975: 176].

И. А. Грабарь в статье «О дательном-местном падеже в «Сокровенном сказании монголов», излагая историю изучения дательного падежа в старописьменном монгольском языке, пишет, что среди монголоведов нет единого мнения по поводу употребления суффикса *-a/-e* как показателя дательного падежа [Грабарь 1985: 21]. Автор статьи отмечает, что Г. Рамстедт и Э. Хениш называли падеж на *-a/-e* дательным. Д. Стрит также считал его показателем дательного падежа, имеющим, однако, и локальное значение. И. А. Грабарь также приводит мнение Н. Н. Поппе, который считал, что в письменном монгольском языке XX в. это показатель местного падежа, а в языке XIV в. и позже — показатель дательного падежа [Грабарь 1985: 21].

В «Сокровенном сказании монголов» суффикс *-a (-e)*, как информирует И. А. Грабарь, представлен очень широко и по частоте употребления стоит на втором месте после суффикса *-dur (-tur)*; употребляется в значениях и дательного, и местного падежей [Грабарь 1985: 21].

И. А. Грунтов, исследуя историю развития падежной системы в монгольском языке, об употреблении суффикса *-a* в «Сокровенном сказании монголов» пишет следующее: «На момент написания «Сокровенного сказания» падеж с показателем (*-dur, -tur*) превратился в полноценный лативно-локативный падеж, в то время как падеж с показателем (*-a, -da*), полностью сохранив дативные функции, употреблялся в локативном значении только у ограниченной группы имен» [Грунтов 2002: 156].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-04-00553а.

В исследуемых нами калмыцких текстах круг значений падежного показателя *-a/-o/-e*: довольно широк.

1. Лицо — участник совместного или взаимного действия: *mana: yabuqči inaral* ‘генерал, отправляющийся с нами’, *cerige: xa: niyildeküyini* ‘где соединится с войсками’, *bambara: xamtu oula talaki xalxadu yatulul ügei* ‘не переправляясь вместе с Бамбаром на нагорную сторону’, *urida gubernator bolji bayiqsan kümüde: inagiyin yoso:r bayiqsan belei bida* ‘мы жили в дружбе со всеми прежними губернаторами’, *töüne: odxu dura ügei küügi xariulji orkiyita* ‘не желающих ехать с ней людей отправьте назад’, *tere birikešige: ebceji mönggü:n abubabida* ‘уладив с тем приказчиком, мы забрали свои деньги’, *xasaγa: eliyin yoso:r bayidaq bi* ‘с казахами я живу в мире’.

2. Лицо, против которого совершается противодействие: *dayina: bayiri keqsen uşman ügei* ‘не завязали бой с неприятелем’, *türüge: dayin bolji bayiqsan caqtu* ‘когда воевали с турками и татарами’, *tanai mantayā: kerüldüqsen küü ügei ... bi keni ca: jilaxu bi* ‘кого я буду судить, если нет того человека, который повздорил с вашим Мантагом’, *seyice:r oroso: dayilduji orosiyin cerigi daruji genei* ‘говорят, Цечар воевал с русскими и победил их’.

3. Время совершения действия: *noγoni teriune: ... ese geji noγoni urida* – ‘с первой травой или же до появления травы’.

4. Эталон сравнения, при этом данный падеж употребляется с послелогом *adali* со значением сравнения (что характерно для соединительного падежа): *de:re bičiqsene: adali* ‘как написано выше’, *biši ulusa: adali* ‘подобно другим людям’.

5. Адресат действия: *basa čigi dutuu ügesi tana: küünel bayiji* ‘сообщив также Вам недосказанное’, *yeke ezeni gegene: elči bičiğe:n ilgeleyibi* ‘я послала письмо к его императорскому величеству’.

6. Место действия: *soltono: zolyoxuda uixu nige bedere sayin bodki tabun bedere borostoi arban beder čaryr ötör oqči ilge ...* ‘срочно пришли одно ведро хорошей водки, десять ведер простой водки, десять ведер вина, чтобы пить, когда пойдем в гости к Султану’.

Как видим из вышеприведенных примеров, этот падежный показатель соответствует по своим значениям аффиксам как дательного, так и соединительного падежа.

Что касается последнего, то нами зафиксирован интересный случай употребления соединительного падежа в локативном значении вместо употребляемого в таких случаях дательного-местного падежа: *serkešiyin adoun mani nutugiyin zaxala: bayixudu xuluγai šoq šodor bitegei kelgeyite geji bičiji ülübayinu ta* ‘Вы пишете, чтобы не было воровства, когда табун черкесов будет находиться у окраин нашего кочевья’.

В старописьменном монгольском языке дательный падеж с показателем *-a / -e* также встречается со значением, характерным для соединительного падежа. Так, М. Н. Орловская пишет, что имена с этим падежным окончанием в «Алтан тобчи» обозначают лицо, совместно с которым совершается действие: «это значение несколько необычно для местного падежа, поскольку оно свойственно совместному или соединительному падежу» [Орловская 1975: 183]. Сам же соединительный падеж с традиционным показателем *-la:-/le:* также встречается в текстах, хотя и очень редко: *tani elčile: bi nige taniji medekü küü ilgesüle...* ‘вместе с вашим посыльным я пошлю разбирающегося человека’, *odo: šine ene elčile: xariji yabunai ...* ‘сейчас возвращается с новым посыльным’. Чаще его заменяет падеж с показателем *-a:-/o:-/e:*. Однако встретился случай параллельного употребления обоих показателей в словосочетании с послелогом *xamtu* ‘вместе с’. Наряду с *bambara: xamtu oula talaki xalxadu yatulul ügei* ‘не переправляясь вместе с Бамбаром на нагорную сторону’ встречается *kiyiyastu übülzüji bambarayila: ürgülji xamtu bayixu bolo:d* ‘решив всем вместе жить с Бамбаром, зимую на косах’.

В деловых документах также в качестве объекта сравнения в конструкциях с *adali* и *ilyal ügei* вместо ожидаемых слов в форме соединительного падежа с суффиксом *-la:-/le:* встречаются слова как с показателем *-a:-/o:-/e:* (как было указано выше), так и с традиционным показателем дательного-местного падежа *-du/-dü, -tu/-tü: toko:roqson-du adali bayiqsan caqtu* ‘в то время, когда [они] как будто успокоились’, *biši nige yasutai ulus-tu adali biši* ‘не похожи на других соплеменников’, *töün-dü adali* ‘как он’, *γumuduxu bitü üliger-tü adali bolji* ‘как пример, достойный сожаления’, *tan-du adali üyilečin-dü* ‘управителю дел, как Вы’, *ura:la ügeyidü adali youman belei ene* ‘это похоже на то, что раньше этого не бывало’, *sayidaqsan noyodouda:*

ilyal ügei onco xayiran-du kürtükü zöbtöi ...
‘так же, как и отличившиеся нойоны, [они]
будут отдельно удостоены милости’.

В современном калмыцком литературном языке существительные в форме дательного падежа с послелогом *эдл* не употребляются. Однако по результатам нашего полевого исследования данное явление имеет еще место в разговорной речи: *нанд эдл* ‘подобно мне’, *чамд эдл* ‘подобно тебе’, *келснд эдл* ‘подобно сказанному’ и т. д.

Вместе с тем факты свидетельствуют о том, что показатель *-a:/-o:/-e:* в калмыцком языке XVIII в., как и в старописьменном монгольском языке, является суффиксом дательного-местного падежа. Это подтверждают примеры из текста писем, где показатели *-a:/-o:* и *-du*, заменяя друг друга, употребляются параллельно: *basa čigi dutuu ügesi tana: küünel bayi ji* ‘сообщив Вам недосказанное’, *tandu čigi köüneqsen čigi belei bi* ‘Вам я также сообщал’.

Таким образом, в исследуемых текстах показатель *-a:/-o:/-e:* употребляется в значениях дательного-местного и соединительного падежей наряду с суффиксом соединительного падежа *-la:/-le:* и суффиксом дательного падежа *-du/-dū, -tu/-tū*. Эта тенденция прослеживается и в современном калмыцком языке. Так, дательный падеж с суффиксом *-д/-т* и соединительный падеж с суффиксом *-ла/-лэ* в темпоральном значении употребляются параллельно: *үвлэ, үвлд* ‘зимой’, *хаврла, хаврт* ‘весной’, *зунла, зунд* ‘летом’, *намрла, намрт* ‘весной’, *өрүнлэ, өрүнд* ‘утром’, *асхнла, асхнд* ‘вечером’, *цагла, цагт* ‘во время’, *жсиллэ, жсилд* ‘в году’. Суффикс *-a/-э* сохранился в современном языке в наречиях времени *өрүнэ* ‘прошедшим утром’, *асхна* ‘вчерашним вечером’, *үвлэ* ‘прошедшей зимой’, *хавра* ‘прошедшей весной’, *зуна* ‘прошедшим летом’, *намра* ‘прошедшей осенью’, *тендэ* ‘тогда’; в наречиях места *дора* ‘внизу’, *дота* ‘внутри’.

Таким образом, взаимозаменяемость рассмотренных показателей в значениях, характерных для дательного-местного и соединительного падежей, представляет собой интересное явление, требующее дальнейших исследований как языка памятников письменности, так и современного калмыцкого языка.

Литература

- Асирова Н. Д.* Исследование частей речи в калмыцком языке XVIII века: на материале деловых писем: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 16 с.
- Грaбарь И. А.* О дательном-местном падеже в «Сокровенном сказании монголов» // Монгольский лингвистический сборник. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. С. 21–30.
- Грунтов И. А.* Эссивные функции падежей в «Сокровенном сказании монголов» // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира / ред. В. А. Плуноян. М.: Русские словари, 2002. С. 150–156.
- Кокшаева Н. О.* Языковые особенности эпистолярного наследия калмыцкого хана Дондук-Даши (середина XVIII в.) / науч. ред. В. И. Рассадин. Элиста: Изд. дом «Герел», 2011. 191 с.
- Намжавин С.* XVIII зууны халимаг хаад ноёдын захидал бичиг, түүний халимагийн түүх хэл судлах хэрэглэгдэхүүн болох нь // Proceedings of the International Symposium. Past and Present Dynamics: the Great Mongolian State. December 22–23, 2006. Tokyo. Edited by Kurebito Tokusu. Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA). Tokyo University of Foreign Studies, 2008. С. 37–46.
- Омакаева Э. У.* Деловой калмыцкий язык XVIII века: проблема статуса и методы комплексного изучения лексики и синтаксиса писем в лингвокультурологическом аспекте // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 4. С. 37–42.
- Орловская М. Н.* О некоторых грамматических особенностях языка «Алтан Тобчи» // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Серия лингвистики. Материалы Всесоюзной конференции. Элиста, 17–19 мая 1972 г. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит.-ры, 1975. С. 176–193.
- Письма* наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.): факсимиле писем. Изд-е текстов, введ., транслит., перев. со старокалмыцкого на современный калм. яз., словарь Д. Д. Гедеевой / отв. ред. Э. У. Омакаева. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 194 с.
- Сусеева Д. А.* Грамматический строй калмыцкого языка XVIII века: морфонология и морфемика (на материале писем калмыцких ханов и их современников) / отв. ред. А. В. Дыбо, Э. У. Омакаева. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 201 с.